

А.В. Амфитеатров

Дом литераторов в Петрограде 1919-1921 годов

Оригинал здесь -- http://dugward.ru/library/amfiteatrov/amfiteatrov_dom_liter.html

Октябрьская революция 1917 года, упраздняя буржуазию, причислила к ней все свободные профессии интеллигентного труда, и в конце концов в процессе упразднения они пострадали несравнимо более, чем капиталистическая буржуазия, против которой истребительный поход пролетариата был объявлен. Смеем сказать больше: по правде-то говоря, только они одни настолько пострадали. Капиталисты чашу петроградских мучений лишь пригубили, мы же выпили до дна. Если не сам пролетариат ручного труда, то коноводы из "запломбированного вагона", овладевшие воображением и волею темных масс, обрушились на пролетариат интеллигентный с яростью ревнивых соперников, сознающих случайность и условность своей победы и плохо верующих в ее прочность, а потому с болезненной подозрительностью устраняющих с пути своего все коллективы и индивидуальности, в коих им чувствуется или чудится опасность влияния инакомыслящего. Среди предметов этой подозрительной ревности на первом месте оказались литература вообще и журналистика в особенности. В яростных советских тисках, под нажимом Володарского, Лисовского, Кузьмина, быстро повымерли в течение каких-нибудь девяти месяцев даже самые прочные, старые и богатые периодические издания бывлой России. Когда в августе 1918 года советский декрет уничтожил бытие буржуазной прессы гласно и официально, он, собственно, подтвердил (*un fait accompli* уже произошедшее), совершившийся факт. В Петрограде, так еще недавно главном центре русской журналистики, влачила тогда жалкое существование уже только одна-единственная газета - последняя, с призрачным самообманом все-таки как будто "независимого издания".

И какая это была газета! "Петроградский листок", еще в 1917 году любимый уличный орган дворников, швейцаров, извозчиков, мелких лавочников и тому подобного темного люда, включая сюда и часть рабочих, настроенную сочувственно монархии Романовых и православной церкви. Орган "черной сотни", "Листок", понятно, так и руководился, и составлялся в неизменно-черносотенном тоне и порядке сочувственными элементами из "бывших людей" литературы. До революции о "Петроградском листке" почиталось неловким даже упомянуть в порядочном обществе. Появление литератора с именем на его столбцах было невозможно, как некое неприличное чудо. Когда А.И. Куприн, по неистощимому добродушию своему, дал туда какой-то свой мелкий рассказец, это произвело в петроградском литературном мире впечатление скандала.

Но теперь, уцелевший дольше всех соседей, благодаря своей черносотенной публике, этот ничтожный и презираемый "Петроградский листок" торчал над всеобщим потоком журналистики как одинокий крошечный островок. И подобно зверям, бегущим от наводнения, собрались и столпились на нем всевозможные живые обломки распущенных редакций, исчезнувших изданий. Во главе газеты стал видный литератор, популярный и заслуженный критик А.А. Измайлов. В газете начали появляться статьи Ф.К. Сологуба, Д. С. Мережковского, Вас.Ив. Немировича-Данченко, А.И. Куприна, П.П. Гнедича, В.Ф. Боцяновского, мои, модных поэтов, профессоров университета, публицистов из закрытых больших газет - "Речи", "Дня" и др. Понятно, что орган изменил свою физиономию и направление. Из монархического он превратился в либерально-демократический, даже с оттенком утопического социализма, впрочем, весьма бледно-розового. Антикommунистический дух скорее чувствовался, чем сказывался; скорее подозревался, чем выявлялся. Потому что почтенный радикал наш милейший А.А. Измайлов ненавидел большевиков до кровомщения, но напуган ими был до паники и чуть не падал в обморок при каждом слове, уязвлявшем торжествующих олигархов лжекоммуны прямо и открыто. Сбереечь газету от закрытия как можно дольше было его главной задачей, да и требованием издателей. Надо заметить, что эти последние вовсе не были счастливы перерождением своего "Листка" в литературный орган. Как бы ни странно показалось, но мы, писатели с именами, каждый имевший свою обширную аудиторию, не только не подняли тираж "Листка", но, напротив, уронили его. Наша привычная публика не успела прийти к нам под старую сомнительную вывеску, а для бывлой публики "Листка", уличной, мы оказались мудрены, и она отхлынула от газеты. Кто ее читал и обогащал, лучше всего покажет следующий эпизод. На одном из редакционных собраний был поднят вопрос об улучшении бумаги. Издатель, г. Владимирский, отказал в нем наотрез.

- Почему? - изумлялись и спорили мы. - Ведь если газета примет более приличный вид, это лишний шанс на ее успешное распространение в обществе, которое сейчас чуждается "Листка" отчасти и за его отвратительный вид. Ведь согласитесь, что нельзя найти более гнусной бумаги, чем ваша...